

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНЕРЦИЯ: ОПЫТ РЕФЛЕКСИИ

В. П. Макаренко¹

В статье рассматриваются различные аспекты анализа политической оппозиции: проблема когнитивно-политической дистанции исследователя от политической конъюнктуры; традиционные и современные способы оправдания (легитимизации) власти; система идеологической унификации, политического мировоззрения и авторитарно-бюрократических методов управления советским обществом; определение политической оппозиции в соотношении с социальной критикой и гражданским сопротивлением; основные направления программы исследования политической оппозиции.

Ключевые слова: политическая оппозиция, социальная критика, гражданское сопротивление.

The article discusses various aspects of the analysis of political opposition: the problem of cognitive-political distance of researcher from the political conjuncture, the traditional and modern ways justification (legitimize) the authorities and the system of ideological unification, political ideology and authoritarian-bureaucratic methods of management of the Soviet society, the definition of the political opposition in relation with social critics and civil resistance, main directions of the research program of the political opposition.

Key words: the political opposition, social critic, civil resistance.

Анализ советской и постсоветской исторической политики — одно из актуальных и значимых направлений развития политической науки. Советская и постсоветская власть стремятся идеализировать Сталина и утвердить заведомую правоту государственной власти: «Она выше любых нравственных и юридических оценок. Она неподсудна по определению, ибо руководствуется государственными интересами, которые священнее интересов человека и общества, морали и права. Правота всегда на стороне государства... Эта мысль пронизывает новые учебные пособия (по истории. — В. М.) от начала и до кон-

¹ Макаренко Виктор Павлович — доктор политических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета. Эл. почта: vpmakar1985@gmail.com

ца» [3, с. 27]. Значит, есть повод модернизировать свои прежние размышления. В этой статье речь пойдет об одном из направлений рефлексии [1].

Проблема дистанции

В странах Восточной Европы и в СССР формируется политическая оппозиция. Появляются новые партии и политические движения. В парламентах возникают фракции. Позиции СМИ расходятся. Происходит поляризация политического сознания групп населения.

Между тем проблема политической оппозиции (далее — ПО) в странах, которые называли себя социалистическими, практически не изучена советской социальной наукой. Кадры политологов формируются из бывших членов идеологического аппарата, отягченного стереотипами официальной пропаганды. Это на руку консервативным силам, которые по привычке смешивают оппозиционную деятельность с антигосударственной. Жаргон периода гражданской и холодной войны постоянно встречается на страницах массовых изданий. От него несвободны и труды, авторы которых перекрашиваются в «политологов». Социальная мимикрия и соответствующее ей поведение мешают понять сложность политических процессов.

Чтобы трезво разобраться в них, политолог должен прежде всего *дистанцироваться* от реальной политической борьбы, независимо от своей партийной принадлежности. ПО уже влияет и будет еще больше влиять на социальную и политическую жизнь. Необходимо разрушить советский предрассудок: ПО — патология, а не норма политической жизни. Для этого надо в первую очередь систематизировать способы оправдания власти.

Как власть себя оправдывает?

Советская власть использовала все аргументы для своего оправдания. Ссылка на законы природы и истории из традиционной концепции легитимности послужила обоснованием ее права повелевать населением. Классическая теория демократии призвана была доказать, что только социалистическое государство гарантирует всеобщее и сознательное участие масс в политике и потому пользуется их поддержкой. Бихевиоризм тоже был взят на вооружение: поскольку большинство населения выполняло указания власти, постольку ее действия признавались правомочными.

Власть использовала все экономические, политические и идеологические средства для выработки у населения убеждения: находящиеся у власти люди имеют полное право ее осуществлять. Это убеждение внедрялось в жизнь с помощью системы *политических иллюзий*.

Власть стремилась доказать, что потребность повелевать и подчиняться укоренена в истории и психике человека, а существующее социальное нера-

венство является заслуженным и справедливым. Существовала целая система идеологических (построить коммунизм к 1980 г.; бесконечно строить развитой социализм) и политических (выполнение 5-летних планов, продовольственной программы, обеспечение всех жильем и пр.) обещаний. Публично сомневаться в этом было невозможно. Обещания вырабатывали в обществе такую самодисциплину, которая оправдывала сегодняшнее отречение от элементарных благ во имя будущего благосостояния.

В результате атеистическое государство поддерживало традиционное религиозное убеждение: каждому на том свете («в светлом будущем») воздастся по заслугам. Это убеждение блокировало сомнения в легитимности правительства и всей системы власти.

Власть способствовала выработке такой пропорции типов личности, которая была ей выгодна. Интерналисты убеждены, что их настоящее и будущее положение зависит от личных усилий. Экстерналисты считают, что их положение зависит не столько от собственных усилий, сколько от удачи, стечения обстоятельств, деятельности других людей, общества в целом. Если человек винит только себя за житейские неудачи, то он власти не угрожает. Если человек эту вину перекладывает на власть, то он ставит под вопрос ее право повелевать.

Чтобы снять это сомнение, власть толковала демократию по-своему, связывая ее с существующим делением общества на руководителей и подчиненных, создавая иллюзию в том, что подчиненные могут контролировать властвующих. По сути, она эксплуатировала стереотипы поведения. Большинство людей склонны подчиняться родителям, учителям, врачам, пилотам, милиционерам, начальству. Если эта склонность превращается в привычку, она ведет к бездумному послушанию и снимает различие между верноподданным и гражданином.

Важным средством оправдания власти служит конформизм — привычка подчиняться группе. В большинстве случаев человек принимает мнение большинства, если даже оно противоречит его убеждениям. Чем больше развит конформизм, тем больше общественное мнение производится властью. В советском обществе общественного мнения не было до середины 1950-х гг. Оно было монополией власти и склоняло индивидов к послушанию. Поэтому советская власть укрепляла рутину и инерцию во всех сферах общественного разделения труда.

Для этого была создана система политического образования. Идеологический аппарат стремился выработать у населения прежде всего подчинение властным учреждениям и лицам, а не произвольно установленным конституционным нормам. До революции Ленин писал с сарказмом: «Русский человек привык к благопристойному поведению в присутственных местах».

Советская власть усилила данную привычку. Каждый был обязан усвоить роль верноподданного, прежде чем выступить в политическом театре².

Система подготовки руководящих кадров (через ВПШ, АОН и прочие учебные заведения КПСС (которые раньше всех перекрасились в «политологов») дрессировала индивидов для выполнения этих ролей, внедряла в них надлежащие политические ценности, навыки и установки. Так возникало взаимопонимание между партийной, советской, военной, хозяйственно-технической, полицейской и идеологической номенклатурой.

Вся система законодательства, оплаты труда и ценообразования, государственных налогов и займов, финансовой политики, все механизмы распределения элементарных жизненных благ базировались на отождествлении интересов общества с интересами государства. Социальный порядок толковался как обязательное подчинение государственному аппарату.

Патриотизм трактовался так, чтобы обеспечить добровольно-принудительную отдачу труда, денег и других средств населения в руки государства. Призывы к единству прав и обязанностей были разновидностью политической софистики и конституционного кретинизма, скрывающих подчинение личности государству в экономической, социальной, политической и идеологической сферах.

Пропаганда воспитывала не граждан, а верноподданных, доказывала, что правительство «наилучшим образом» выполняет свои функции и потому заслуживает внутренней и международной поддержки. Средства передачи информации обслуживали монополию номенклатуры на власть и господство, блокировали распространение взглядов и идей, подрывающих эту монополию. Манипуляция политическими образами и символами скрывала действительные факты социальной и политической жизни, укрепляла иллюзии, нужные власти.

По мере индустриализации страны власть все более широко использовала технократические методы для своего оправдания. Трепетная лань — наука — была впряжена в одну телегу с меринком — государством, чтобы доказать его административную, экономическую, военную, воспитательную и прочую потенцию.

Для общего употребления власть распространяла миф о своей самоотверженности, а на деле исповедовала (за незначительным исключением) потребительские идеалы. Поэтому потребительская идеология и психология есть продукт длительного влияния советской власти на общество. Следуя односторон-

² «У советского человека развито особое уважение к учреждениям, или, как это называлось раньше, присутственным местам... Все мы отличаемся поразительной выдержкой. Мы умели прийти на службу после ночного обыска и ареста близких и там улыбаться, как всегда. Улыбаться нам полагалось. Нами руководил инстинкт самосохранения, страх за своих и особый кодекс советских приличий» [2, с. 328].

ней концепции человеческой природы (политическое безразличие, ориентация на карьеру, свободное время и потребление), потребление и технократизм стали важными факторами социальной стабильности.

Стимулирование массового потребления соответствует интересам власти, поскольку отсекает общество от других ценностей и способствует деполитизации граждан. Рост доходов населения усиливает социальный конформизм и политическую верноподданность. Экономическое процветание увеличивает доверие индивидов к власти и одновременно усиливает ее идеологическое господство.

Конечно, власть никогда не отказывалась от «оправданий» посредством силы, внешней или внутренней угрозы. Еще Аристотель писал, что превращение отдаленных опасностей в близкие укрепляет положение правящих. Власть выгодна низкая материальная обеспеченность индивидов: они тратят время на поиск средств существования и о политике им думать некогда.

Советское государство тоже длительное время опиралось на силу, устрашение, манипуляцию, деполитизацию населения, стремилось превратить пассивное послушание власти в гражданскую доблесть. Ссылка на действительную или мнимую угрозу со стороны «внутренних и внешних врагов» объединяла индивидов с властью и способствовала ее укреплению.

Совокупный эксплуататор как средство внутренней войны

Главный признак построенной тоталитарной системы власти — подчинение всех сфер жизни общества контролю государства. Существуют и дополнительные признаки³. В результате советское государство оказалось совокупным эксплуататором людей и природы⁴. Поэтому его партийно-государственный аппарат был средством внутренней войны правительства со своим народом.

Если суммировать догматическое толкование истории и теории марксизма и превращение его в официальную государственную идеологию, то *система идеологической унификации* в целях оправдания власти базировалась на следующих основных положениях: истина равна мировоззрению пролетариата; мировоззрение пролетариата равно мировоззрению коммунистической пар-

³ К ним относятся: официальная государственная идеология, направленная на достижение конечной цели (типа коммунизма или тысячелетнего рейха) и навязанная сверху населению страны; одна массовая политическая партия (НСДАП или КПСС), иерархически организованная, управляемая сверху одним лицом (при режиме личной власти) или группой (при режиме олигархии) и переплетенная с государственной бюрократией; монополия этой партии на управление всеми звеньями государственной машины (армия, органы внутренних дел и госбезопасности, СМИ) и на распоряжение всеми экономическими и социальными ресурсами страны; физический террор и морально-психологическое устрашение населения.

⁴ Этот факт зафиксирован как марксистскими (Р. Люксембург, Л. Троцкий, М. Джилас, Х. Арендт и др.), так и немарксистскими (К. Шмидт, К. Фридрих, З. Бжезинский, Л. Шапиро и др.) учеными и политиками.

тии; мировоззрение партии равно мировоззрению ее аппарата; мировоззрение аппарата равно указаниям вождя (при режиме личной власти) или ЦК (при власти партийной олигархии). В результате возник советский императив: истинно все, что власть вчера, сегодня и завтра захочет провозгласить.

На деле ни одно из этих положений не является истиной ни в аристотелевском, ни в гегелевско-марксовом смысле слова. Однако именно на основе такого толкования Маркса сформировался и интегрировался господствующий слой и идеологический аппарат СССР. Он давно освободился от Маркса, преобразовав его в инструментальную пристройку к совершенно иному *политическому мировоззрению*: мир воспринимается как такое соотношение сил, в котором «моментом истины» является действительная или потенциальная война, угроза, политическое и идеологическое давление; идеологическое клише «мировая победа социализма» означает господство одного центра власти над миром⁵.

Такое представление об истории и человеческом обществе не является наукой или теорией, поскольку не имеет отношения к проблеме истины и лжи. Но именно на его основе правящая группа советского общества и идеологический аппарат воспринимал и изменял свою страну, другие страны и вел международную политику.

Система власти, идеологической унификации и политическое мировоззрение выступали в единстве с *авторитарно-бюрократическими методами управления обществом*. К ним относятся: регламентация сверху всей общественно-политической жизни; отождествление сознательного гражданина с верноподданным; монополия аппарата власти на социальное и политическое творчество; квалификация определенных политических взглядов как уголовного или административного преступления; политизация армии, органов внутренних дел и госбезопасности, других важнейших звеньев государственной машины (включая идеологический аппарат) посредством обязательной принадлежности его служащих к правящей партии; идеализация главных звеньев государственной машины при помощи романтизации их политического прошлого и перспектив существования; система и институты внутреннего и внешнего шпионажа и политической подозрительности; удорожание содержания правительства и всего аппарата власти; увеличение слоя лиц, материально обязанных правительству (должностные оклады, полное или частичное государственное обеспечение), а не собственному физическому и умственному труду; финансовая и фискальная политика, базирующаяся на приоритете государства над обществом; количественный рост государственных учреждений, служащих и форм регламентации их деятельности; преобразование власти из средства решения социально-экономических проблем в самоцель; реакционность, консерватизм, антидемократизм как господствующие направления

⁵ Даже в официальных высказываниях это говорилось откровенно (например, афоризм Н.С. Хрущева «Мы вас закопаем!»).

политического воспитания государственных служащих; пропаганда представления о том, что только государство может быть гарантом и носителем общественного порядка и прогресса; стимулирование политико-идеологической мимикрии государственных служащих и населения; культивирование внутренней дипломатии и искусства игры с общественным мнением; абсолютизация существующих социально-политических форм и этатизация контроля; решение социально-экономических проблем путем реорганизации старых или создание новых учреждений⁶; регулирование сверху потребления, труда, сроков пребывания на выборных должностях; право власти вмешиваться в программы СМИ, учебные программы школ и вузов; культивирование политико-идеологического утопизма.

Проявления этих методов можно конкретизировать по сферам отношений, деятельности и сознания во всей совокупности государственных и социальных институтов в соответствии с главными положениями теории бюрократии. В любом случае перспективы ПО зависят от того, насколько возникающие политические партии и массовые движения сумеют преодолеть указанные политические иллюзии, способы оправдания власти и методы управления не только в государстве, но и в собственных политических и идеологических структурах. Если этого не произойдет — нет гарантий, что новые партии не сростутся с установившейся системой власти.

Для противодействия данному процессу надо описать главные источники неправомочности власти.

«Злая воля» и политическое недоверие

Уже давно Гегель пытался доказать, что предположение «злой воли» у правительства — взгляд черни. Наоборот, Маркс считал, что недоверие к власти — нормальное состояние общественного мнения и политического сознания населения в условиях отрыва государства от гражданского общества или отсутствия последнего. Гражданское общество у нас только формируется, но перспективы его становления неясны. Государство довлело над обществом в таких масштабах, которые не предвидел Маркс. Поэтому понятие политического недоверия можно использовать для анализа *общих правил* отношения между гражданами и властью.

Никакая власть не является вечной. Мирные и вооруженные антагонизмы и конфликты между гражданами и властью — постоянная характеристика, норма человеческой истории. Недоверие к власти определяется прежде всего универсальными ценностями политических идеологий (типа «общее благо», «свобода», «равенство», «справедливость», «порядок») и частными, эгоистическими интересами политических элит, слоев и классов.

⁶ Напомним, что всякая административная реформа есть попечение правительства о самом себе и способствует его усилению.

Правящие группы всегда стремятся оправдать свою власть, экспонируя свои служебные функции в обществе и скрывая свои частные (корпоративные) интересы и мотивы деятельности. Всякая власть толкует равенство таким образом, чтобы связать его с существующим социальным порядком и неравенством. В западных странах эту функцию выполняет миф равных возможностей, в странах Восточной Европы — принцип «каждому по труду».

Правящие группы обычно выставляют себя гарантом социального порядка, справедливости, материального благосостояния граждан и социального развития. Если даже государство называет себя демократическим, оно обычно так толкует демократию, чтобы ее можно было связать с существующей социальной иерархией и разделением общества на руководителей и подчиненных. Для этого используются элитарные теории демократии, технократические доктрины, идеология потребления, деполитизация граждан.

Власти нельзя доверять и потому, что даже самая демократическая система политических институтов в той или иной степени блокирует выражение интересов некоторых индивидов, социальных слоев и групп. Р. Даль и Р. Дарендорф, основатели современной теории демократии (полиархии), сконструированной на базе более чем 200-летней истории американской демократии, отмечают, что данная форма демократии тоже является мнимой.

В демократическом государстве тоже существует блокирование интересов. Оно обычно ведет к отчуждению политических институтов от общества и способствует культивированию радикальных методов политической борьбы. Как правило, экстремистские, террористические и революционные движения формулируют собственную контридеологию и альтернативное видение социального устройства, тем самым правомочность власти постоянно находится под угрозой.

На протяжении последних 300 лет европейской истории падает влияние религиозных обоснований социального порядка, растет эпистемологический и моральный релятивизм. *Господствующее убеждение* можно сформулировать так: нет никаких вечных истин, принципов и теорий, на которые может ссылаться власть для обоснования своей правомочности. Значит, существующие политические институты можно заменить иными. Это еще более расшатывает право власти повелевать и распоряжаться.

Эмансипация человека усиливает сомнения по поводу установленных структур власти. Профессионализация, бюрократизация и деперсонализация общественной жизни и человеческих отношений увеличивают дистанцию между обществом и властью и одновременно порождают убеждение в бесконтрольности и всемогуществе политических институтов. Этому способствует также экономическое, политическое и идеологическое отчуждение.

Существует еще ряд факторов, содействующих политическому недоверию: угроза национализма и сепаратизма, перед которой стоят все многонациональные государства; внешнее происхождение власти; невозможность удовлетворить все потребности человеческой самореализации с помощью политики.

Итак, никакая власть не может быть признана абсолютно правомочной и не заслуживает абсолютного политического доверия. Это должно найти свое выражение в существовании ПО. Чтобы она была эффективной, недостаточно простого разделения законодательной и исполнительной власти. Недостаточно лишь зафиксировать «злую волю» в деятельности существующего правительства, видеть нерешенные социальные проблемы и на этой основе критиковать власть.

Политическое недоверие должно быть направлено на политическую систему в целом, на ее главные экономические, политические и идеологические основания, а не на отдельных представителей власти или политический курс правительства. В противном случае ПО превращается в парламентскую грызню, которая идет в ногу с тотальной бюрократизацией законодательных процессов, что мы и наблюдаем на протяжении последних лет в России.

Определение политической оппозиции

Советское государство — это система власти, которая для своего оправдания использовала системы идеологической унификации, конфронтационное политическое мировоззрение и авторитарно-бюрократические методы управления обществом. Политика «перестройки» лишь качнула, но не разрушила ни один из главных элементов указанных систем. Поэтому ни с политической, ни с теоретической точек зрения неверно отождествлять оппозиционную деятельность с антигосударственной.

Главная проблема сегодняшнего дня — установить такую свободу для деятельности ПО, которая позволяла бы не на словах, а на деле бороться с установившимися политическими традициями.

Однако в деятельности властвующих (от полицейского до главы исполнительной власти и от депутата до президента) и в сознании идеологического аппарата пока еще господствует иная точка зрения на оппозицию. Ее стремятся свести к признанию основных принципов существующей политической системы и исключить из политической жизни группировки, высказывающиеся за полное изменение этой системы. Достаточно вслушаться в парламентские дебаты или проанализировать политическое мышление большинства парламентариев и журналистов, чтобы убедиться в господстве указанной точки зрения.

Она дискуссионна, поскольку нынешняя политическая система включает все ранее описанные характеристики. В результате такой редукции для власти

всегда остается возможность произвольного токования, применения и изменения существующего законодательства. Конституционное право все еще привязано к интересам исполнительной власти, которая несет прямую вину за трагедии и конфликты между властью и обществом. Анализ данных конфликтов показывает, что на практике трудно провести различие между политическими движениями, признающими и отвергающими основные принципы политической системы. Лица, которые считались преступниками вчера, стали главами правительств сегодня. К тому же невозможно построить классификацию всех аналогичных случаев для каждой точки пространства и времени.

Господствующая точка зрения на ПО базируется на формально-правовом отождествлении закона и реальности. Тем самым конституционный кретицизм и политическая софистика выступают в упаковке социального реформаторства. Строго говоря, в этом и заключается концепция «перестройки».

При таком подходе к ПО смешивают два совершенно различных вопроса: следует ли ее легализовать и можно ли деятельность, связанную с нарушением законов, квалифицировать как ПО? В обоих случаях мы наталкиваемся на проблему различия между политикой и правом и на монопольное толкование данного различия людьми, облеченными властью. Такую монополию надо отвергнуть⁷.

Смешивание ПО с антигосударственными группировками содержит эмоциональные оценки, властный произвол и делает неуловимым различие между идеологией и правом. Подобное определение ПО всегда будет слишком широким или слишком узким. В первом случае оппозиционеры попадают в разряд политических противников со всеми вытекающими последствиями. Во втором различия во взглядах тоже могут служить основанием для политических репрессий. Первый тип отношения к ПО реализовал в своей деятельности Сталин, второй — его последователи. Существовал он до августа 1991 г., правда, уже в маргинальном виде политики руководства РКП, что еще раз подтверждает ее политическое эпигонство и творческое бесплодие.

Государство, в котором нет никаких различий между гражданами, есть политическая фикция, а не действительность. Однако советское государство длительное время пыталось эту фикцию воплотить в жизнь. Его репрессивная политика привела к тому, что политические различия исчезли из сферы явной политической жизни. Но они сохранялись в закулисной политиканстве разных звеньев государственной машины в борьбе за власть. Тезис о «морально-политическом единстве советского общества» прекрасно обслуживал данную

⁷ Хорошо известно, что на протяжении XX в. в большинстве капиталистических стран существовали коммунистические партии, которые ставили своей целью полное изменение социальной системы. Тем не менее они квалифицировались как обычная ПО. Если мы ставим сегодня задачу создания правового и демократического государства, то на каких основаниях партии, борющиеся с так называемым социализмом, не признаются обычной ПО?

борьбу. В итоге репрессии переплелись с идеологией. Этим объясняется нынешняя ожесточенность парламентских дебатов, размежевание органов прессы и излишнее доверие к писаному слову.

Для трезвого отношения к перспективам развития ПО следует учитывать ряд идеологических различий, которые могут перерасти в политические противоречия и антагонизмы: во взглядах на перспективы развития мирового сообщества; в мировоззрении граждан и степени их выраженности в политике; идейно-политических различий страны, в которой (несмотря на крутые политические изменения) всегда сохранялись западнические и почвенническо-славянофильские тенденции; политического мировоззрения различных слоев рабочего класса, крестьянства, интеллигенции; взглядов внутри аппарата власти (в зависимости от функций звеньев государственной машины и политической динамики)⁸.

Отсюда вытекает, что ПО нельзя смешивать с антисоциалистическими, антикоммунистическими, антигосударственными силами и с любыми проявлениями несогласия с политическим курсом правительства в каждый данный момент. Многое зависит от политики государства в отношении несогласномыслящих. Если учитывать уроки истории СССР, можно сформулировать *общее правило*: даже из самых суровых репрессий вырастает ПО. Если правительство не хочет ее радикализации, оно обязано терпимо относиться ко всем неопозиционным проявлениям реальной политической дифференциации, вести публичную полемику с людьми, которые не принимают ни существующую политическую систему, ни политический курс правительства. Нужно усвоить истину: несогласие с текущей политикой выражает реальное многообразие общественного мнения. Отступление от этого правила глубоко модифицировало нашу политическую культуру (все признаки тоталитаризма пустили глубокие корни в политическом поведении и сознании граждан).

Определение ПО должно быть оценочно нейтральным, не давать никаких преимуществ ни различным звеньям государственной машины, ни любой политической партии в том, что их оценка политических процессов и движений станет господствующей или общеобязательной. Данный момент особенно важен в период кардинальных изменений политической системы.

ПО — это движения, партии и группы, которые действуют организованно (легально или нелегально, явно или скрыто) и стремятся взять власть из рук правящей группы и передать ее другой политической силе. Цель ПО — передача власти иной политической силе. Методы — организованные политические акции (митинги, демонстрации, забастовки, формирование общественного мнения с помощью СМИ, парламентская деятельность и т. д.), не предполага-

⁸ Нельзя также сбрасывать со счета роль длительной идеологической унификации, отсутствие контридеологии, влияние региональных и национальных особенностей и религиозных конфессий, влияние политической символики и персональных политических пристрастий.

ющие применение силы. Формы действия — конституционная, политическая и конспиративная оппозиционная деятельность.

По всем перечисленным основаниям оппозиция политической системе и политическому курсу правительства может находиться вне и внутри государственного аппарата. Причем в период политических реформ консервативные силы стремятся опереться на все ранее указанные тоталитарные, идеологические и авторитарно-бюрократические методы, придавая им конституционную форму или действуя нелегально, тогда как прогрессивные силы вынуждены выступать легально и явно, поскольку они пытаются эти методы изменить и создать новую политическую ситуацию.

Политика и политиканство

Стремление взять власть из рук правящей группы и передать ее другой позволяет определить ПО, но не является ее единственным признаком. Борющиеся за власть силы ставят цель удержать или захватить в свои руки государственную машину для того, чтобы реализовать определенную политическую доктрину, концепцию и программу. Государственный аппарат, имеющий собственные интересы, стремится стать над противоборствующими группами и сохранить власть за собой независимо от политической конъюнктуры. Поэтому ПО надо отличать от *группы давления* на правительство, которые находятся в аппарате власти и пытаются воздействовать на его вершину для модификации политики в выгодном для них направлении.

Группы давления могут переходить в ранг ПО, когда исчерпаны все остальные средства борьбы с новым и невыгодным для них политическим курсом. До недавнего времени главной группой давления была КПСС, так как ее деятельность переплеталась с государственной машиной, подбором кадров и вытекающими отсюда преимуществами.

Никакая правящая партия не собирается добровольно отдавать государственную машину в руки других политических сил. Ее аппарат предпочитает действовать закулисно и нелегально, с помощью всех стереотипов политической игры в тоталитарной политической системе. И хотя в правящих партиях идут сложные процессы, они не могут считаться политическими партиями в нормальном смысле слова до тех пор, пока их финансовые, организационные и информационные возможности выше всех других партий.

К ПО сегодня можно отнести группы и возникающие политические партии, стоящие вправо и влево от центра. Они предпринимают определенные действия, но взятие власти пока откладывают на неопределенное будущее из-за своей слабости. Выборы и парламенты различных уровней на основе реальной многопартийности еще только предстоят. Поэтому надо отличать борьбу за власть между различными партиями и борьбу за власть в рамках правя-

щей партии в условиях ее сращивания с государственной машиной, между ее различными группировками и лицами.

Второго типа борьба не заслуживает имени ПО ни с исторической, ни с политологической точек зрения, хотя она и практиковалась почти на всем протяжении существования КПСС и Советского государства. Эта борьба была разновидностью аппаратно-бюрократического *политиканства*.

Оно началось в СССР при Ленине, окрепло при Сталине и его наследниках. Затем повторилось во всех странах Восточной Европы. Господство одной партии нарушило естественный процесс развития партийных систем в этих странах. Поэтому расстрелы и отдача под суд некоторых бывших генсеков — закономерное следствие монополии одной партии.

С точки зрения методов ПО надо отличать от аморфной и распыленной *критики* в отношении советской власти и КПСС, до недавних пор осуществлявшей абсолютную власть. Критика — это не оппозиция. Ведь не согласные с монополией одной партии граждане не могли организовать по причине политических репрессий, не говоря уже об административных ограничениях.

Надо также проводить различие между ПО и различными формами *гражданского сопротивления* — от терроризма до неповиновения власти. ПО означает, что власть уже не в состоянии предотвратить преобразование критики и гражданского сопротивления в организованное политическое действие.

С точки зрения форм деятельности можно выделить следующие разновидности ПО: конституционная и действующая явно; неконституционная, но действующая явно; неконституционная и действующая конспиративно. Первые две формы характерны для складывающихся парламентских групп и политических партий. Третья была характерна для КПСС, которая до последних дней не отказывалась от засекречивания большей части своей деятельности и манипуляции общественным мнением.

Гипотезы и прогнозы

Россия и другие страны СНГ и Восточной Европы в настоящее время представляют конгломерат соперничающих партий и массовых движений. В России сформирован блок партий, напоминающий партийную структуру накануне 1917 г. Однако возрождение прежней партийной структуры и соответствующих ей политических концепций происходит в обществе с радикально изменившейся по сравнению с началом XX в. технико-экономической и социальной структурой. Видимо, мы имеем дело с разновидностью консервативного синдрома, охватившего вначале Западную, затем и Восточную Европу.

Ярким примером политического консерватизма служит программа «Блока общественно-патриотических организаций России» и родственных ей тече-

ний⁹. Аналогичные политические движения существуют и в других республиках, что лишний раз доказывает живучесть тоталитарного режима и его тенденции к саморазвитию.

ПО была побеждена, но не уничтожена в Гражданской войне и сталинских репрессиях. Она возродилась и окрепла вследствие *ошибок и просчетов* КПСС и Советского государства во внутренней и внешней политике, а не в результате идеологических и политических диверсий стран Запада, как до недавних пор утверждала официальная пресса и идеологические слуги. Анализ и систематизация политических ошибок правящей партии — непосредственная задача политологии и ПО.

Ее влияние и сила будут зависеть от настроения масс и воспроизводства в новых условиях всех элементов авторитарно-бюрократического управления обществом. Деятельность правительства на протяжении последних пяти лет только подтверждает их живучесть. Надо учитывать также шансы удовлетворения материальных, политических и духовных потребностей населения. Пока они мизерны по сравнению с развитыми странами.

Под влиянием экономического и политического кризиса в ближайшем будущем в России предстоит увеличение слоя людей, занятых оппозиционной деятельностью в ее идеологическом, политическом и социальном измерении, хотя правительство делает все, чтобы стимулировать аполитические тенденции в поведении людей. До недавнего времени верноподданные могли удовлетворять свои элементарные потребности, не занимаясь политикой. Теперь ситуация меняется.

⁹ В этой платформе: используется политический жаргон («тысячелетняя держава», «свободолюбие», «артельные начала», «всемирная отзывчивость русского народа»), оскорбляющий достоинство других наций; ни разу не упоминаются права человека, политическая свобода и демократия как необходимые элементы политического прошлого и будущего; защищается военно-промышленный комплекс и другие звенья государственной машины, которые до сих пор находились в привилегированном положении по сравнению с массами людей; под лозунгом «защиты исконных русских земель» высказываются территориальные претензии к другим нациям, а межнациональный хозрасчет понимается по принципу «живите, как хотите»; используются схемы политической философии Гегеля и либерального народничества для обоснования монархизма и регламентации общественной жизни; под прикрытием «равного представительства» русской нации в союзных органах делается намек на ее количественное превосходство; за счет отождествления общественной собственности с государственной обосновывается «органичность» и «естественность» государственной власти во всех ее проявлениях; под флагом борьбы с бюрократией предлагается еще большая бюрократизация власти, поскольку призывы «укрепить» оборону, милицию и госбезопасность, диктовать свою волю органам СМИ и даже создать полицию нравов (под прикрытием Закона о нравах) ведут к ещё большему усилению чиновно-идеологического сословия; вместо радикального изменения тоталитарной системы предлагается сталинская схема «чисток» партийно-государственного аппарата; не проводится различие между верноподданным и гражданином, поскольку патриотизм выводится из факта существования державы, а не свободной личности.

Если правительству удастся оперативно удовлетворить большинство социальных потребностей, то социальная база оппозиции может уменьшиться и в ней останутся одни политики и идеологи. Но пока правительство идет по другому пути: манипулируя СМИ, оно стремится внедрить в умы граждан убеждение, что их потребности будут удовлетворяться по мере выполнения правительственных программ. Значит, правительство по-прежнему идет по пути мнимых обещаний и реального грабежа населения. Даже своим оппонентам оно стремится навязать состязание программ, ни одна из которых не выполнена.

Значительно больше вероятность того, что экономический кризис станет затяжным, а политический плюрализм — нормой. Социальная база оппозиции расширится, и она превратится в постоянный элемент политической жизни.

Сфера влияния ПО будет зависеть от политики государства по отношению к ней. Эта политика может колебаться от репрессий до либерализма. Если ПО пустит глубокие корни, то государственная политика в отношении ПО приобретет форму кривой линии.

Абсолютные (политические) репрессии неэффективны потому, что усиливают моральные основания оппозиции и сталкивают на позиции радикализма все более широкие социальные слои, возмущенные суровостью законов. Абсолютный либерализм тоже неэффективен, поскольку создает чувство бессилия власти, а также способствует вербовке в ряды оппозиции людей, для которых ничего не значат идейные мотивы деятельности. Такие люди обычно примыкают к более сильной стороне.

Развитие ПО будет зависеть от преодоления всех элементов прошлого политического режима и выработки правовых условий ее деятельности. Среди них:

— принцип строгого отличия действительных политических противников и соперников от колеблющихся, нейтральных или критических настроенных людей; только тот может считаться оппозиционером, кто сам хочет им быть, всякие внешние оценки будут реанимировать прошлые стереотипы;

— принцип открытых дверей, обеспечивающий нормальную жизнь всем людям, занятым оппозиционной деятельностью; граждане должны быть уверены, что их принадлежность к ПО не вызовет никаких последствий в профессиональной деятельности, ущемлений в правах и т. д.;

— предоставление каждому гражданину полной свободы выезда и возвращения в страну;

— отказ от толкования законов применительно к обстоятельствам борьбы между правительством и оппозиционными партиями.

Выводы

Необходимо поломать стереотип, по которому анализ оппозиционной деятельности принимает форму огульной критики или явной апологетики. Этому будут способствовать постоянный зондаж общественного мнения о деятельности ПО, интервью и диалоги с ее руководителями и идеологами, изучение программ, стратегий и тактики оппозиционных партий и движений, их политического опыта, политической культуры и географии, электорального поведения, степени популярности и поддержки в определенных социальных слоях и группах. Но это все не должно давать повода для подозрения, что результаты исследований будут использованы в политической борьбе или фискальных целях правительством или соперничающими партиями.

Политолог должен учитывать громадную силу инерции советских политических институтов и методов авторитарно-бюрократического управления обществом и делать все, чтобы его собственные исследования не превратились в еще один способ идеологического оправдания государственной власти. Чтобы стать аналитиком, политолог должен критически относиться к политике как сфере деятельности. А это невозможно без понимания ее иллюзорных элементов, которые воплощены во всех сферах отношений, деятельности и сознания государства — наиболее важной практической иллюзии. В этом направлении движется современная политическая мысль о государстве [4].

Библиографический список

1. Макаренко В.П. Кризис власти и политическая оппозиция // Советское государство и право. 1989. № 11.
2. Мандельштам Н. Воспоминания. М.: Вагриус, 2006.
3. Рогинский А. Память о сталинизме // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы Междунар. науч. конф. Москва, 5-7 декабря 2008 г. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.
4. Ясаи Э. де. Государство. М.: ИРИСЭН, 2008.

References

1. Makarenko V.P. Krizis vlasti i političeskaja oppozi-cija // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1989. № 11.
2. Mandelstam N. Vospominanija. M.: Vagrius, 2006.
3. Roginskij A. Pamjat' o stalinizme // Istorija staliniz-ma: itogi i problemy izuchenija: materialy Mezhdunar. nauch. kon-f. Moskva, 5–7 dekabrja 2008 g. M.: ROSSPJeN; Fond «Prezident-skij centr B.N. Yeltzina», 2011.
4. Jasay A., de Gosudarstvo. M.: IRISJeN, 2008.